

Чем дальше, тем привычнее становились голландские червонцы в государственной казне и в «кабинетских» суммах императорской семьи, а приостановка чеканки дуката в самой Голландии снимала, казалось, уже всякие опасения. Беспрепятственная чеканка чужой монеты затянулась ровно на 100 лет, но дукаты 1760—1770-х годов остаются памятниками русской военной истории и славной Чесменской победы.

Б. Д. ЕРШЕВСКИЙ

ОБ АТРИБУЦИИ НОВГОРОДСКИХ ПЕЧАТЕЙ И ПЛОМБ XII—НАЧАЛА XIII в. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ

Вислые свинцовые печати служат важнейшим источником для истории средневековой Руси, особенно для истории Новгорода, из которого происходит основная часть сфрагистического материала.

Заметную в количественном отношении группу булл, вошедших в Корпус древнерусских актов печатей¹ (59 экз.), составляют буллы, несущие на одной стороне изображение патронального святого, тезоименитого ее владельцу; обратная сторона занята изображением княжеской тамги. Почти вся эта группа происходит из находок на Городище под Новгородом, что уже служит хорошим датирующим признаком, так как изобилие булл, обнаруженных на Городище, приходится на XII в., т. е. на то время, когда оно становится княжеской резиденцией и когда там оформляется княжеский архив, в котором хранились документы государственного значения, скрепленные актовыми печатями.

Время бытования наших памятников В. Л. Янин относит к XII—началу XIII в.²

Из находок на Городище происходят 37 свинцовых пломб-печатей, несущих на одной стороне голову или поясное изображение патронального святого, тезоименитого их владельцу; обратная сторона занята княжеским знаком.³ Одна пломба-пе-

¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, с. 132—146, табл. 67 (283—291), табл. 68 (292—295), табл. 69 (296—303), табл. 70 (304—311). — В статье нумерация печатей соответствует их изданию в Корпусе.

² Там же, с. 132—133.

³ Археологические фонды НГОМЗ — 18 экз., инв. № 2П-4, 2П-83, 2П-87, 2П-88, 2П-95, 2П-110 (табл. I, 7—6), 2П-111, 2П-125, 2П-126 — знаки прямоугольных очертаний в виде двузубцев; 2П-13, 2П-124, 2П-127, 2П-129 (табл. I, 7—10) — знаки колоколовидной формы в виде двузубцев; 2П-3, 2П-78, 2П-133 (табл. I, 11—13) — знаки в форме багра. ГИМ, Отдел пумпнатики, инв. № 99453/п-175, 99453/п-178, 99453/п-182, 99453/п-189,

чать найдена при раскопках на Неревском конце в 1954 г. Ее лицевая сторона несет погрудное изображение неизвестного святого, обратная — знак колоколовидной формы в виде двузубца, правый зубец которого имеет два отроста внутрь (верхний прямой и нижний изогнутый, отросток в нижней части сгибается влево).⁴ Пломба найдена в слоях 15-го яруса, датируемого данными дендрохронологии 1224—1238 гг.⁵

В отношении назначения новгородских свинцовых пломб В. Л. Янин высказал предположение о принадлежности отдельных их групп к актовой сфрагистике Новгорода в домонгольский период:⁶ «Какая-то часть пломб вызвана к жизни специфическими условиями русского денежного обращения в безмонетный период, на что указывает введенное недавно в научный оборот сообщение аль-Гарнати. Однако пока было бы преждевременным исключать их из поля зрения сфрагистики и связывать только с нумизматикой. Постоянные совместные находки таких пломб с безусловными актовыми печатями на Городище под Новгородом, где в древности существовал княжеский архив, говорят о том, что многие пломбы дрогичинского типа употреблялись и для скрепления актов».⁷

В развитие этой идеи нужно добавить, что все пломбы из новгородских находок имеют ряд особенностей, характеризующих их отличие от почти десяти тысячного собрания дрогичинского материала.⁸ Отсюда следует, что, признавая за определенными группами новгородских пломб памятники актовой сфрагистики, мы их рассматриваем в тесной связи с хорошо известными буллами. Различия между ними состоят прежде всего в том, что пломбы меньше в диаметре (10—16 мм), изготовлены крайне небрежно, почти всегда анепиграфны, что вызывает трудности в определении имен изображенных на них святых, а поэтому иногда удается установить только его тип (мученик, святитель, князь, воин и т. д.), наконец, технические утраты на лицевой и оборотной сторонах — основные трудности в работе с пломбами.

99453/п-191 — знаки прямоугольных очертаний в виде двузубцев и трехзубцев; 99453/п-10, 99453/п-180, 99453/п-190 и две пломбы не имеют инвентарного номера. Мы обозначим их условно № 1, 2 — знаки колоколовидной формы; 99453/п-173, 99453/п-177, 99453/п-186 — знаки в форме багра. Гос. Эрмитаж, Отдел нумизматики, пнв. № 406—409 — знаки в форме багра. См.: Лихачев Н. П. 1) Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II. Л., 1938, с. 207—208, рис. 186; 2) Текст к сфрагистическому альбому. — Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444, с. 110—111; Сфрагистический альбом, табл. VIII, 22—25.

⁴ ГИМ, Отдел нумизматики, пнв. № 99453/п-110; см.: Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — МИА СССР, 1956, № 55, с. 155—156, табл. IV, 35.

⁵ Колчин Б. А. Дендрохронология построек Неревского раскопа. — МИА СССР, 1963, № 123, с. 166—228 (15-й ярус см. с. 179—180).

⁶ Янин В. Л. Вислые печати..., с. 156.

⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 11.

⁸ Ершевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников. — СА, 1978, № 2, с. 242.

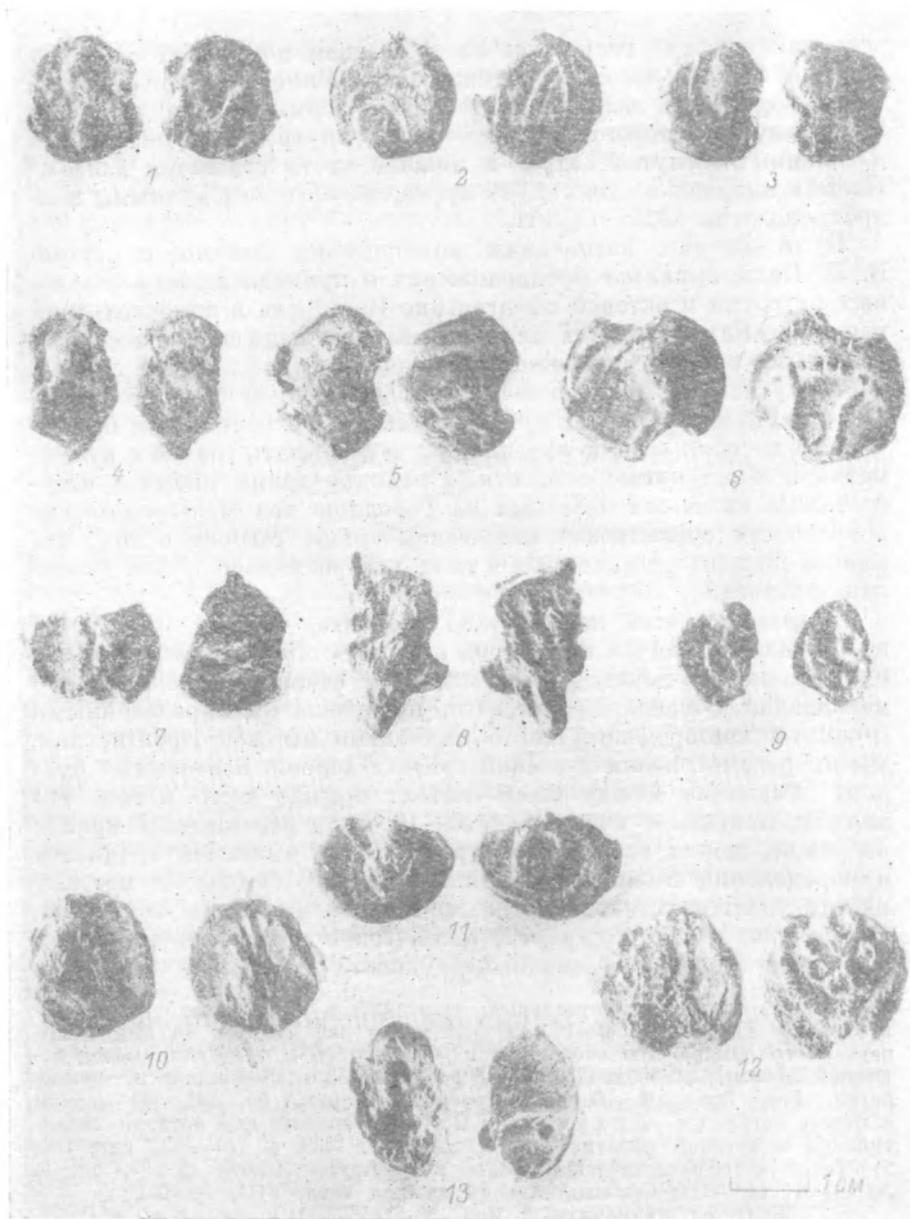

Табл. I. Новгородские свинцовые пломбы.

Лицевая сторона (слева): 1 — поясное изображение неизвестного святого, держащего в руке крест (мученик); 2 — голова неизвестного святого; 3 — поясное изображение неизвестного святого, держащего на руках младенца (Симеон Богоприимец); 4 — поясное изображение святого, держащего на руках младенца с небольшой бородкой и усами; 5 — изображение головы неизвестного святого; 6 — поясное изображение неизвестного святого в княжеской шапке (тип Борис—Глеб); 7 — поясное изображение святого с бородой в княжеской шапке (Борис); 8 — изображение головы святого в княжеской шапке (тип Борис—Глеб); 9 — поясное изображение святого с бородой в княжеской шапке (Борис); 10 — поясное изображение святого с бородой в княжеской шапке (Борис); 11 — поясное изображение неизвестного святого; 12 — поясное изображение архангела (Гавриил).

Оборотная сторона (справа): 1—6 — знаки прямоугольных очертаний в виде двузубцев; 7—10 — знаки колоколовидной формы; 11—13 — знаки в форме багра.

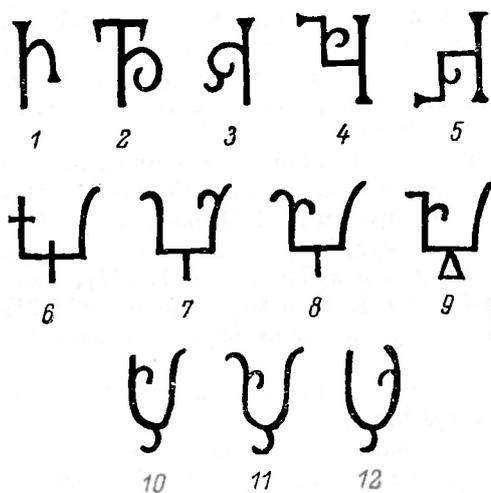

Табл. II. Прорисы княжеских знаков.

На печатях: 1 — № 305; 2 — № 306, 307; 3 — № 308, 309; 6 — № 289; 7 — № 283; 8 — № 285, 286; 9 — № 295; 10 — № 297, 298; 11 — № 299. 12 — знак на пломбе-печати № 99453/п-110 (ГИМ); 4 — знак на можжевеловой палочке из новгородских раскопок (1956 г.); 5 — зеркальный вариант знака на можжевеловой палочке.

Однако в результате сопоставлений известных новгородских пломб и печатей удалось выяснить, что княжеские тамги на пломбах, как и на печатях, по своим разновидностям могут быть подразделены на 1) знаки прямоугольных очертаний в виде двузубцев, 2) знаки колоколовидной формы, 3) знаки в форме багра и находят в ряде конкретных случаев полные аналогии с княжескими тамгами на печатях. Например, печать № 305 несет на себе знак в форме багра, с отрогом вправо на середине вертикальной черты (табл. II, 1). Точно такой знак имеется на пломбах № 2П-3, 2П-78, 2П-133 (табл. I, 11—13), 99453/п-173, 99453/п-177, 99453/п-186 (ГИМ), № 406, 409 (ГЭ).

Печать № 289 несет погрудное изображение св. Кирилла; обратная сторона — знак прямоугольных очертаний в виде трехзубца, с очень коротким средним зубцом, отогнутым наружу правым зубцом и прямым левым, снабженным перекрестием (табл. II, 6). Булла приобретена Н. П. Лихачевым в Париже из собрания, составленного в Стамбуле.⁹ Место ее находки неизвестно. Указанный знак может быть идентифицирован со знаком на пломбах № 2П-4 и 2П-123. В этой связи мы полагаем, что, поскольку знак на печати, происходящей из стамбульского собрания, идентичен знакам на пломбах-печатях, происходящих, несомненно, из новгородских находок, то и булла № 289 была найдена в Новгороде.

⁹ Янин В. Л. Актовые печати... т. I, с. 135.

Княжеская тамга прямоугольных очертаний в виде двузубца с отогнутыми наружу вершинами зубцов, имеющая отрог внутри па левом зубце, печатей № 285, 286 (табл. II, 8) встречена на пломбах-печатах № 2П-83, 2П-88, 2П-110 (табл. I, 2, 4, 6) и № 99453/п-189 (ГИМ).

Для знаков колоколовидной формы прямые аналогии пока не найдены, но встречаемость чрезвычайно близких друг к другу тамг отмечается. На печати № 299 изображен знак колоколовидной формы в виде двузубца, с отогнутыми наружу зубцами и отрогом внутри на левом зубце (табл. II, 11), который, быть может, находит себе подобный в знаке на пломбе 2П-127, но из-за утраты его правого зубца мы не берем на себя смелость настаивать на этом.

Таким образом, установив полные аналогии отдельным знакам на пломбах со знаками на печатах, мы подошли к выводу: группа пломб, несущая на себе княжеские знаки в сочетании с изображением различных святых, бытовала одновременно в XII—начале XIII в. с подобными буллами, выполняя свои функции по скреплению государственных документов в суде. В таком случае известная сфрагистическая категория представлена 96 печатами и пломбами. 94 экз. происходят из новгородских находок. Однако эта большая группа памятников домонгольской актовой сфрагистики до настоящего времени не получила еще общей атрибуции, хотя уже долгое время привлекает внимание исследователей.¹⁰

Основной причиной их неудач, как показал В. Л. Янин, была ошибочная методика.¹¹ В ее основе лежал принцип признания в изображении святого на булле патрона ее владельца, а в знаке на оборотной стороне усматривалась его геральдическая эмблема. Отсюда следовало, что искомыми владельцами этих печатей могли быть лица только княжеского рода, но никак не представители новгородской администрации.

В Корпусе древнерусских актов печатей В. Л. Янин высказал предположение о принадлежности этих булл республиканским тысяцким.¹² Начиная исследование новгородских свинцовых пломб, мы полагали, что этот тип сфрагистических памятников связан с новгородскими посадниками XII—начала XIII в., однако новые находки не подтвердили такую точку зрения. В последние годы проблема принципиальной атрибуции булл с изображением княжеских знаков, кажется, как будто бы решена А. А. Молча-

¹⁰ Лихачев Н. П. Материалы..., вып. II, с. 199—209; Орешников А. В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. — Изв. АН СССР, серия VII, Отд. гуманитар. наук, 1930, с. 105—109; Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — СА, 1940, VI; Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 132—146.

¹¹ Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 138—143.

¹² Там же, с. 144—145.

новым.¹³ Автор путем логических умозаключений и остроумных догадок относит их к новгородским посадникам XII—начала XIII в., предлагая 12 буллам конкретную атрибуцию. Однако более глубокое знакомство с работой названного автора показывает, что многие положения, выдвинутые им для признания за этими памятниками посадничьих булл, требуют уточнения и могут быть пересмотрены.

Хорошо известно, что в Новгороде с 30-х годов XII в. почти столетие княжили представители четырех ветвей русского княжеского дома Рюриковичей: 1) черниговские князья (потомки Святослава Ярославича), 2) представители старшей линии Мстиславичей (старшие сыновья Мстислава Владимировича Великого и их потомки), 3) представители младшей линии Мстиславичей (Ростислав Мстиславич Смоленский и его потомки), 4) суздальские князья Юрьевичи (потомки Юрия Долгорукого).¹⁴ В группе наших памятников также имеются четыре принципиальные разновидности знаков, которые, как справедливо отметил В. Л. Янин, должны распределиться между четырьмя линиями княжеского дома.¹⁵ Этот вывод не находит подтверждения в атрибуциях знаков, предпринятых А. А. Молчановым. Как же распределены знаки? Тамги колоколовидной формы и знаки в форме багра отнесены А. А. Молчановым к князьям суздальской линии Рюриковичей. По этому поводу позволим заметить, что если с полным основанием можно приписывать суздальским князьям тамги колоколовидной формы, подтверждая это известным знаком на Золотых воротах во Владимире¹⁶ и чрезвычайно близким ему знаком на пьедестале Боголюбского кивория,¹⁷ то нет скольнибудь веских доводов в пользу атрибуции этим же князьям знаков багровидной формы. В этой связи заслуживает внимания атрибуция одного из знаков, который начертан на можжевельной палочке из находок Новгородской археологической экспедиции 1956 г.¹⁸ Он багровидной формы, в виде вертикальной черты с от-

¹³ Молчанов А. А. 1) Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков. — В кн.: Проблемы истории СССР, IV. МГУ, 1974, с. 19—32; 2) Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. Автореф. канд. дисс. М., 1976, с. 14—16.

¹⁴ Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 145.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Знаки собственности..., с. 232—233; Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. — МИА СССР, 1949, № 11, с. 203—215, рис. 6.

¹⁷ Воронин Н. Н. 1) Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв. М.—Л., 1945, рис. 22; 2) Боголюбский киворий. — КСИИМК, 1946, вып. XIII, с. 65, рис. 19.

¹⁸ Раскопки на Неревском конце 1956 г., ярус 21, пласт 25, квадрат 1163. № 5. Хранится в Археологическом музее исторического факультета МГУ. Бочаров Г. Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 80; Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. — САИ, 1968, вып. 51—55, с. 22, рис. 12, 6—7; Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 27—28, табл. II, рис. 5.

рогом, отходящим от ее середины отдельным зубцом, изогнутым влево, с добавочным отрогом внутрь (табл. II, 4), который А. А. Молчанов с полной уверенностью относит Давиду Святославичу¹⁹ (княжил в Новгороде в 1094—1096 гг.). Для положительного решения этого вопроса необходимо сослаться на единодушное признание исследователями²⁰ безразличным положение тамги на памятниках сфрагистики и нумизматики для ее атрибуции. Принимая во внимание этот вывод, мы в зеркальном варианте знака на можжевеловой палочке находим знак, который чрезвычайно близок княжеской тамге на печатях № 308 и 309 (табл. II, 3, 5), относимый А. А. Молчановым к суздальскому князю Ярославу — Федору Всеволодовичу.²¹

Знаки прямоугольных очертаний в виде двузубцев А. А. Молчанов распределил между Мстиславичами и князьями смоленской линии дома Рюриковичей. Так, знак на печатях № 283, 284 (табл. II, 7) принадлежит князю Ростиславу Мстиславичу (смоленская ветвь), а тамга на буллах № 285, 286 и 295 (табл. II, 8, 9) служила геральдической эмблемой Святополка Мстиславича (Мстиславичи).²²

Таким образом, результаты наблюдений над общей атрибуцией знаков, предложенной А. А. Молчановым, вызывают некоторые недоумения. Почему, например, князья черниговской ветви, сидевшие на новгородском столе в рассматриваемый период, оказались обделенными знаками? Исключением является Давид Святославич, которому приписан знак на можжевеловой палочке, но он княжил в Новгороде в 90-х годах XI в. И почему знаки колоколовидной формы и в форме багра были княжескими тамгами только суздальских князей, тогда как знаки прямоугольных очертаний в виде двузубца равно использовались и Мстиславичами, и смоленскими Ростиславичами? Эти несоответствия отправляют нас еще раз к анализу тех конкретных выводов, которые выдвинуты А. А. Молчановым.

Печать № 309, несущую на одной стороне знак багровидной формы (табл. II, 3) в сочетании с надписью «Георгий», указанный исследователь относит к посаднику Юрию Иванковичу, сидевшему на посадничестве 1215—1216 гг., приписывая Ярославу — Федору Всеволодовичу, внуку Юрия Долгорукого, изображенный на булле знак.²³ Думается, что в этом случае предложенная атрибуция знака спорна. Летопись сообщает об уходе весной

¹⁹ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 27—28, табл. II, рис. 5.

²⁰ Лихачев Н. П. Материалы..., вып. II, с. 171; Орешников А. В. Классификация древнейших русских монет..., с. 95; В. Л. Янин. Актовые печати..., т. I, с. 133—134.

²¹ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 24—26, табл. II.

²² Там же, с. 28—29.

²³ Там же, с. 24, табл. 2.

1215 г. смоленского князя Мстислава Мстиславича и называет посадника Юрия Ивановича первым в составе посольства, снаряжаемого новгородцами для приглашения Ярослава Всеволодовича. Последний приходит в Новгород, но вскоре оставляет стол и уходит в Торжок. Практически весь период до февраля 1216 г. Юрий Иванович занимал посадничество в отсутствие князя, но в феврале 1216 г. возвращается Мстислав Мстиславич, а летопись говорит, что Юрий Иванович посадничал при Мстиславе в феврале, марте, апреле; только в конце летописного рассказа под 1216 г. мы узнаем о том, что отняли посадничество у Юрия Ивановича и дали Твердиславу Михалковичу.²⁴ Значит, Юрий Иванович находился на посадничестве при князьях — представителях двух ветвей княжеского дома — суздальской и смоленской. Отсюда следует, что нет никаких оснований отдавать предпочтение в принадлежности знака Ярославу и не признавать за ним тамгу Мстислава Мстиславича. Таким образом, знак на печати № 309 мог принадлежать одинаково и Ярославу Всеволодовичу, и Мстиславу Мстиславичу.

Печать № 308 имеет такой же знак, как и печать № 309, но ее лицевая сторона несет изображение Иоанна Предтечи. Эту буллу А. А. Молчанов относит к посаднику Иванко Дмитровичу, посадничавшему 1220—1229 гг., полагая, что она использовалась им между 1223—1224 или между 1226—1228 гг., ее знак принадлежит тому же Ярославу Всеволодовичу.²⁵ Этому же посаднику, по мнению автора, принадлежит и печать № 305, несущая на лицевой стороне изображение бородатого святого с надписью «ЕВАН» в сочетании со знаком в форме багра (табл. II, 1). Поскольку знак на булле № 305 несколько отличен от известных тамг на печатях № 308 и 309, то его владельцем оказывается другой суздальский князь — Всеволод Юрьевич, а время бытования этих печатей — 1222 или 1224 г.²⁶

Один экземпляр печати № 305 (3) получил точную дендрохронологическую дату — 1197—1224 гг.²⁷ В пределах этого периода новгородский стол занимали следующие суздальские князья: Константин Всеволодович (3 года), Святослав — Гавриил Всеволодович (7 лет), Ярослав — Федор Всеволодович (2 года) и Всеволод Юрьевич, княживший немногим более года. Ни один из них не может обладать тамгой печати № 305, так как все они, кроме Всеволода Юрьевича, уже наделены княжескими знаками. Константин получил знак на печати № 307 (табл. II, 7), Святославу принадлежит тамга, изображенная на буллах № 297 и 298 (табл. II, 10), Ярославу Всеволодовичу отнесена тамга, известная на печатях № 308, 309 (табл. II, 3). Это обстоятельство, вероятно, и побудило А. А. Молчанова отнести знак на булле

²⁴ НПЛ, с. 53—57, 253—257.

²⁵ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 25—26.

²⁶ Там же, с. 27, табл. II.

²⁷ Там же.

№ 305 к Всеволоду Юрьевичу. Думается, что такая атрибуция печатей № 308, 305 и знака на последней не безупречна. Выше отмечалось, что княжеская тамга печати № 305 встречается на пломбах-печатах № 2П-3, 2П-78, 2П-133 (НГОМЭ), 99453/п-173, 99453/п-176, 99453/п-186 (ГИМ) и 406—409 (ГЭ). Лицевая сторона пломбы 2П-3 (табл. I, 11) несет изображение бородатого святого в княжеской шапке (Борис). На пломбе 2П-133 (табл. I, 13) известная тамга находится в сочетании с изображением архангела. Остатки колончатой надписи, в которой угадываются буквы В и І, дают основание предполагать, что изображен Гавриил. Тип святого мученика в княжеской шапке (Борис—Глеб) несет лицевая сторона пломбы 99453/п-173 (ГИМ); лицевая сторона пломбы № 406 (ГЭ), по определению Н. П. Лихачева, занята изображением Иоанна Богослова или св. Николая.²⁸ Мы думаем, что это св. Николай, так как он изображен с окладистой бородой, что характерно для св. Николая; на оборотной стороне пломбы, слева от знака, оттиснута буква «Н».

Князь Всеволод занимал новгородский стол только при посаднике Иванке Дмитриевиче, но мы знаем изображения Бориса — Глеба, Гавриила, Николая в сочетании с тем же знаком, относимым А. А. Молчановым к Всеволоду. Значит, нужно предполагать еще трех посадников в этот период, но их не было.

К тому же в посадничество Иванки, кроме суздальских князей, в Новгороде княжили представители черниговской линии Михаил Всеволодович (весна 1225 г., весна—осень 1229 г.)²⁹ и Ростислав Михайлович (осень 1229—III/XII 1230),³⁰ а также смоленский князь Всеволод Мстиславич (1219—1221 гг.)³¹ В свете изложенного мы стоим перед видимыми противоречиями. Вызывает недоумение, что двухлетнее княжение Всеволода при посаднике Иванке Дмитриевиче (если признать атрибуцию А. А. Молчанова) оставило нам 15 памятников посадничьей сфрагистики (5 печатей и 10 пломб), тогда как от его посадничества при князьях смоленской и черниговской ветви дома Рюриковичей посадничьи печати Иванки неизвестны. Таким образом, изложенные доводы не дают оснований признавать за печатями № 308, 305 буллы посадника Иванки, а за знаком на печати № 305 — княжескую тамгу Всеволода Юрьевича.

В развитие мысли о княжеских знаках суздальских Рюриковичей обратимся к пломбе-печати № 99453/п-110³² (табл. II, 12). Пломба на лицевой стороне несет поясное изображение неизвестного святого в сочетании со знаком колоколовидной формы

²⁸ Лихачев Н. П. 1) Текст к сфрагистическому альбому..., с. 110; 2) Сфрагистический альбом, табл. VIII, 22.

²⁹ НПЛ, с. 64, 268; 68, 274—275.

³⁰ НПЛ, с. 68, 274—275.

³¹ НПЛ, с. 59, 260; 60, 262.

³² ГИМ, Отдел нумизматики; см.: Янин В. Л. Вислые печати..., с. 155—156, табл. IV, 35.

в виде двузубца, который описан выше. Она найдена при раскопках на Неревском конце в слоях 15-го яруса, датируемого 1224—1238 гг.³³ Владельцем этого знака может быть только один из суздальских князей, сидевших в Новгороде между 20—30-ми годами XIII в. Такие хронологические рамки, в пределах которых находится владелец тамги, обусловлены тем, что «Новгород в конце первой четверти XIII в. стоит перед видимой перспективой полной ликвидации княжеской власти, поскольку проблема новгородского стола превращается главным образом в проблему государственного союза Новгорода с соседними русскими областями. В союзнических отношениях Новгород мог признавать суверенитет князей, но он мог также настаивать и на полном равенстве отношений».³⁴ И действительно, уже с 30-х годов XIII в. новгородский стол на протяжении целого столетия занимают князья только суздальской ветви, что само по себе отрицает необходимость в существовании какой-то личной княжеской тамги. В этой связи, надо думать, тип буллы, несущей на одной стороне княжеский знак, который как бы олицетворял признание ее владельцем княжеской власти, к концу 20-х годов XIII в. перестает существовать. Таким образом, круг владельцев тамги на пломбе-печати № 99453/п-110 замыкается на Ярославе Всеволодовиче (весна 1223—весна 1224 г., весна 1226—зима 1228/29 г.)³⁵ и Всеволоде Юрьевиче (весна 1224—зима 1224/25 г.).³⁶ К одному из них мы с полной достоверностью и относим этот знак. В этом случае, на наш взгляд, не имеет принципиального значения, кому именно принадлежит знак. Принципиальным кажется общая атрибуция знаков колоколовидной формы Юрьевича, и, наоборот, вызывает сомнения признавать в суздальских князьях владельцев знаков в форме багра.

В этой же группе булл, получивших конкретную атрибуцию, находятся печати № 307, 306. Лицевая сторона первой занята изображением св. Дмитрия; лицевая сторона второй несет на себе непоименного архангела. Оба изображения находятся в сочетании со знаком в форме багра (табл. II, I). Печать № 307 отнесена к посаднику Дмитру Мирошкиничу, а буллу № 306 А. А. Молчанов приписывает посаднику Михалко Степановичу. Княжеская тамга, изображенная на них, принадлежит суздальскому князю Константину Всеволодовичу.³⁷

Дмитр Мирошкинич посадничал в 1205—1207 гг.³⁸ Его политическая карьера приходилась на время княжения в Новгороде только одного суздальского князя Константина Всеволодовича

³³ Колчин Б. А. Дендрохронология... с. 179—180.

³⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 136.

³⁵ НПЛ, с. 61, 263; 64—65, 269; 66, 272.

³⁶ НПЛ, с. 61, 264; 64, 267—268.

³⁷ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 26—27, табл. II.

³⁸ Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 144.

(20 III 1205—весна 1208 г.).³⁹ В этом случае выдвинутая автором статьи атрибуция кажется безупречной. Однако ее признанию противоречит характер политических событий, связанных с княжением Константина и избранием на посадничество Дмитра Мирошкинича. В марте 1205 г. лишается посадничества Михалко Степанович, ярый приверженец суздальских князей. Он уходит с посадничества в тот момент, когда Всеволод заменил малолетнего Святослава 19-летним Константином, желая иметь на новгородском столе более независимого от новгородцев князя. Смена посадников — защитительный акт новгородцев, так как на место старого союзника Всеволода — Михалки — избирается сын популярного своей антивсеволодовской политикой Мирошки Нездепича — Дмитр.⁴⁰ События 1207 г. убедительно показали враждебное отношение к Дмитру Мирошкиничу князя Всеволода, который проявляет глубокую заинтересованность в устранении этого посадника. Всеволод не только санкционирует расправу над Дмитром, но и провоцирует, и покупает ее, одаривая новгородцев.⁴¹ В своей политической ориентации Дмитр и его отец Мирошка постоянно находились в союзе и опирались на Ростиславичей.⁴² Значит, признавая в знаке на печати № 307 княжескую тамгу Константина, мы должны поставить Дмитра Мирошкинича в ряд суздальских союзников. Однако он был противником Всеволода и союзником Ростиславичей.

Михалко Степанович занимал посадничество с перерывами в общей сложности 9 лет: 1176—1177—1180—1184, 1186—1189, 1204—1205.⁴³ В его посадничество новгородским столом владели: 1) суздальские князья Мстислав Ростиславич (1175—осень 1176 г., зима 1177/78—весна 1178 г.)⁴⁴ и Святослав Всеволодович (30 I 1200—весна 1205 г.);⁴⁵ 2) князья черниговской линии дома Рюриковичей Владимир Святославич (17 VIII 1180—зима 1180/81 г.) и его отец Святослав Всеволодович (зима 1180/81—зима 1181/82 г.);⁴⁶ 3) потомок Мстиславичей Ярослав Владимирович (зима 1181/82—1184, 20 XI 1187—26 XI 1196);⁴⁷ 4) смоленский князь Мстислав — Федор Давыдович (сентябрь 1184—осень 1187 г.).⁴⁸

Таким образом, мы установили, что в течение года Михалко посадничал, когда на новгородском столе находились смоленские и черниговские князья, два года сидел на должности при суздальских князьях и четыре года посадничал при Мстиславичах.

³⁹ НПЛ, с. 49—51, 241; 51, 248.

⁴⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. . ., с. 116.

⁴¹ Там же, с. 119.

⁴² Там же.

⁴³ Янин В. Л. Актовые печати. . ., т. I, с. 144.

⁴⁴ НПЛ, с. 34, 223; 35, 225.

⁴⁵ НПЛ, с. 44—45, 238—239; 50, 246.

⁴⁶ НПЛ, с. 36, 226; 37, 227.

⁴⁷ НПЛ, с. 37, 227, 228; 39, 229; 43, 236.

⁴⁸ НПЛ, с. 37, 228; 38—39, 229.

Значит, имеются все основания знак на печати № 306 с одинаковой уверенностью относить как к Мстиславичам, так и к черниговским, и смоленским князьям, не отдавая предпочтения Юрьевичам. Вместе с тем нужно отметить, что Михалко Степанович в своей политической деятельности придерживался суздальской ориентации, он был политическим приверженцем Всеволода, а это, признавая атрибуцию А. А. Молчанова, должно было бы быть отмечено наличием булл с изображением архангела Михаила в сочетании со знаком колоколовидной формы. Таких печатей в новгородской сфрагистике пока нет.

Итак, изложенные нами наблюдения показали неправомерность признания за известным знаком княжеской эмблемы Константина, а значит, и признания за указанными буллами посадничьих печатей Дмитра Мирошкинича и Михалко Степановича. Рассмотрим атрибуции, предложенные А. А. Молчановым, для печатей № 297, 298, несущих на одной из сторон одинаковый знак колоколовидной формы (табл. II, 10). На печати № 297 тамга находится в сочетании с изображением св. Николая Мирликийского, на печати № 298 изображен св. Мина. Эти буллы А. А. Молчанов относит к посадникам Твердиславу Михалковичу и Мирошке Незденичу, устанавливая их христианские имена (Твердислав — Николай, Мирошка — Мина). Княжеский знак служил геральдической эмблемой Святослава Всеволодовича, внука Юрия Долгорукого.⁴⁹

Твердислав Михалкович четырежды находился на посадничестве (1208—1211, до 1215, 1216—1219, 1219—1220 гг.⁵⁰) при князьях суздальской и смоленской линий. Из суздальских князей в Новгороде сидел Святослав — Гавриил Всеволодович (весна 1208—1210 г.).⁵¹ Князья смоленской линии занимали новгородский стол при Твердиславе более 9 лет: Мстислав Удалой (1210—весна 1215 г., 11 II 1216—осень 1218 г.),⁵² Святослав Мстиславич (осень 1218—весна 1219 г.)⁵³ и, наконец, его брат Всеволод (весна 1219—1221 г.).⁵⁴ Отсюда следует, что два года Твердислав находился на должности при суздальском князе и более 9 лет посадничал при смоленских князьях. В этом случае более чем странным кажется, если признать атрибуцию А. А. Молчанова, что от двухлетнего посадничества Твердислава при суздальцах до нас дошли 4 его буллы, а девятилетняя его политическая деятельность в присутствии на новгородском столе смоленских князей никак не отмечена памятниками посадничьей сфрагистики. Тем не менее известно, что Твердислав активно поддерживал

⁴⁹ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 25, табл. II.

⁵⁰ Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 144.

⁵¹ НПЛ, с. 51, 248; 52, 249.

⁵² НПЛ, с. 51, 249; 53, 252; 55, 254; 57, 257.

⁵³ НПЛ, с. 58, 259; 59, 260.

⁵⁴ НПЛ, с. 59, 260; 60, 262.

смоленских князей. Так, в походе Мстислава Удалого на Киев в 1214 г. рядом с князем находился Твердислав, названный в летописи посадником, который выступает с речью в защиту интересов князя.⁵⁵ В этой связи нужно думать, что исследователь, приписывая буллу № 297 посаднику Твердиславу Михалковичу, руководствовался прежде всего наличием на ней знака колоколовидной формы, который мог принадлежать только суздальским князьям, но ни в коем случае представителям смоленской линии.

Печать № 298 отнесена к Мирошке Незденичу, посадничавшему в 1189—1204 гг.⁵⁶ В его посадничество новгородский стол занимали Ярослав Владимирович (Мстиславичи) (20 XI 1187—26 X 1196; 30 XII 1197—лето 1199 г.⁵⁷), черниговский князь Ярополк Ярославич (март—сентябрь 1197 г.)⁵⁸ и представитель суздальской династии Святослав — Гавриил Всеволодович (1200—1205 гг.).⁵⁹ Надо полагать, что и для такой атрибуции определяющим послужил знак колоколовидной формы. Однако Мирошка на протяжении 7 лет посадничал при Ярославе Владимировиче. Мы учли его двухгодичное пребывание в плену у Всеволода Большое Гнездо.⁶⁰ Таким образом, и в этом случае мы находимся перед видимыми несоответствиями: от четырехлетнего посадничества при Святославе Мирошка оставил нам 2 буллы, а его семилетнее пребывание на должности при Мстиславичах вообще не зафиксировано посадничьими печатями Мирошки (Мины). Помимо этого, вызывает недоумение (признавая атрибуцию А. А. Молчанова), что известные буллы Мирошки несут на себе именно знак той линии князей, ярым противником которых являлся сам Мирошка. И наоборот, мы не знаем иных булл с изображением Мины в сочетании с княжеским знаком другой формы, принадлежавшим, допустим, Мстиславичам. В этой связи мы полагаем, что изложенные здесь наблюдения не дают оснований признать выдвинутую исследователем атрибуцию для печатей № 297, 298 и их знака.

Группа печатей, несущая на одной из сторон княжеские знаки прямоугольных очертаний в виде двузубцев или трезубцев, получила в статье А. А. Молчанова хорошо аргументированную атрибуцию, но и она не безупречна.

Печать № 283 с изображением св. Георгия в сочетании со знаком в виде двузубца, с отогнутыми наружу вершинами зубцов и с отрогом внутрь на правом зубце (табл. II, 7), принадлежит, по мнению А. А. Молчанова, посаднику Судиле Иваиковичу в его посадничество при смоленском князе Ростиславе Мстисла-

⁵⁵ НПЛ, с. 53, 251.

⁵⁶ Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 144.

⁵⁷ НПЛ, с. 39, 229; 43, 236—237; 44, 238.

⁵⁸ НПЛ, с. 43, 236.

⁵⁹ НПЛ, с. 44, 238—239; 50, 246.

⁶⁰ НПЛ, с. 43, 236—237.

виче. Тем самым печать датируется 1154 г., а изображенный на ней знак отнесен к названному князю.⁶¹ Владельцем булл № 285, 286 с изображением того же Георгия, но со знаком, имеющим отрог внутрь на левом зубце (табл. II, 8), оказывается опять Судило, по уже в свое посадничество при князе Святополке Мстиславиче (1142—1144 и 1147—1148 гг.). Отсюда вытекает вывод, что знак на печатях № 285, 286 служил геральдической эмблемой Святополка, а Судило в крещении был наречен Георгием.⁶² Далее, идентифицируя знак на буллах № 285, 286 со знаком на печати № 295 (табл. II, 9), находящийся в сочетании с изображением св. Анания, А. А. Молчанов относит последнюю к посаднику Нежате Твердятичу, посадничавшему при Святополке (1144—1146 гг.), а знак — к тому же Святополку.⁶³

Нашими наблюдениями над материалами новгородских свинцовых пломб установлено, что некоторые из них несут на одной из сторон знаки, совершенно аналогичные знакам на печатях № 285, 286. Значит, нужно думать, что время их бытования приходится на один и тот же период, которому соответствует новгородское княжение того или иного князя. Известный знак несут на себе пломбы № 2П-83, 2П-88, 2П-110⁶⁴ и 99453/п-189,⁶⁵ а их лицевая сторона занята изображением головы неизвестного святого, как будто бы без волос (2П-83, табл. I, 2); погрудным изображением святого, принимающего на руки младенца (возможно, Симеон Богоприимец; 2П-88, табл. I, 4); пломба 2П-110 несет изображение неизвестного святого, с небольшой бородкой и усами (табл. I, 6), наконец, лицевая сторона пломбы 99453/п-189 занята погрудным изображением неизвестного бородатого святого. Из этого следует, что ни один из перечисленных святых, изображенных на пломбах, не может быть патроном Георгия, так как Георгий всегда изображался на памятниках сфрагистики молодым безбородым воином, с шапкой волос на голове. Значит, признавая за известным знаком тамгу Святополка Мстиславича, мы должны отметить, что в его княжение но меньшей мере еще три политических деятеля использовали такую печать. В княжение Святополка, кроме Судилы, посадничали Нежата, (1144—1146 гг.)⁶⁶ и Константин Микульчич (1146—1147 гг.)⁶⁷ К Нежате А. А. Молчанов относит буллу № 295 с изображением св. Анания. Значит, Нежата в крещении получил имя Анания. Теоретически допуская, что в неопределенных святых на пломбах может находиться Анания, мы не знаем булл

⁶¹ Молчанов А. А. Новгородские посадничьи печати..., с. 28, табл. II.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 29, табл. II.

⁶⁴ Археологические фонды НГОМЗ, табл. 1, 2, 4, 6.

⁶⁵ ГИМ, Отдел нумизматики.

⁶⁶ Янин В. Л. Актовые печати..., т. I, с. 144.

⁶⁷ Там же.

с изображением Константина, чье изображение всегда хорошо прослеживается на пломбах и печатах. Однако известна пломба, несущая на себе изображение святого с младенцем на руках (Симеон), который если не Симеон, то, несомненно, не Георгий, не Анания и не Константин. Отсюда следует, что в княжение Святополка нужно предполагать деятельность хотя бы еще двух, помимо уже известных нам, посадников, но таковых не было. Вызывает недоумение и то, что двухлетнее посадничество Нежаты отмечено 5 буллами, тогда как от трехлетнего периода политической деятельности Судпы при Святополке до нас дошли только 3 его печати. В развитие этих наблюдений необходимо подчеркнуть, что Судило находился на посадничестве 12 лет. Он был первым посадником, избранным на должность в отсутствие князя на новгородском столе, следовательно, до приглашения князя ему принадлежали обе власти — посадничья и княжеская. В этой связи кажется странным, что столь длительная и активная деятельность Судпы (признавая атрибуцию А. А. Молчапова) остается почти незаметной в материалах посадничьей сфрагистики Новгорода.

Долгим было посадничество Судилы при Ярославе Мстиславиче (осень 1148—26 III 1154),⁶⁸ посадничал он и при смоленских князьях Ростиславе Мстиславиче (1154 г.)⁶⁹ и Давиде Ростиславиче (1154/1155 г.),⁷⁰ новгородский стол при Судиле занимал суздальский князь Мстислав Юрьевич (1155—1157 гг.),⁷¹ а отсюда следует, что должны были бы быть известны печати с изображением св. Георгия в сочетании хотя бы еще с тремя разновидностями княжеских знаков, что соответствовало бы той или иной линии князей, сидевших в Новгороде в посадничество Судилы. Однако такие печати пока неизвестны. Значит, и за этими печатями признавать посадничьи буллы Судилы, Нежаты и Якуна пока преждевременно.

Таким образом, анализ выдвинутых А. А. Молчановым аргументов в пользу положительного решения вопроса о принадлежности рассматриваемой здесь сфрагистической группы памятников новгородским посадникам имеет ряд слабых сторон и не всегда безупречен, что не дает оснований относить эти буллы с уверенностью представителям высшей власти от боярства — новгородским посадникам. Что же касается видимой лакуны в посадничьей сфрагистике Новгорода XII—начала XIII в., то ее, на наш взгляд, не существует. Посадники этого периода использовали другой тип печати, несущий на одной стороне изображение святого, тезоименитого ее владельцу, в сочетании с простым или процветшим четырех- и шестикопечным крестом, известный уже в 120 экз.

⁶⁸ НПЛ, с. 28, 214; 29, 215.

⁶⁹ НПЛ, с. 29, 215.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ НПЛ, с. 29, 30, 216; 30, 217.

В свете изложенного встает вопрос: каким представителям государственной власти в Новгороде принадлежали эти буллы? Несомненно одно, что их владельцев нужно искать в кругу таких политических деятелей, которые, отправляя свои функции, признавали княжеский суверенитет, это отражено изображениями княжеского знака на одной из сторон принадлежавшей им печати. Возникает мысль о их принадлежности республиканским тысяцким. С учреждением этого института в 1189 г.⁷² тысяцкий осуществлял представительство от черных людей Новгорода, находившихся под юрисдикцией князя, и нет ничего невероятного в том, что такие буллы оформлялись по принципу совмещения на них патронального изображения тысяцкого и тамги князя, при котором он сидел на должности. Для положительного решения этого вопроса как будто бы имеются некоторые основания. Печати тысяцких немногочисленны: они известны в 24 экз.⁷³ Самые ранние из них находят своих владельцев начиная от Андреяна Елферьевича, впервые упомянутого под 1286 г., к которому В. Л. Янин относит печать № 594 с именем Машка.⁷⁴ Таким образом, сфрагистика республиканских тысяцких имеет почти вековую лагуну, которая не знает печатей 11 тысяцких, бывших на должности с 1191 по 1286 г.⁷⁵ Казалось, что обладателями наших булл могли оказаться тысяцкие от Миронег и включая Иоанна.⁷⁶ Однако отнести к ним рассматриваемые буллы мы не правомочны, так как число имен святых на печатях и пломбах, находящихся в сочетании с княжеским знаком, более 11 имен тысяцких, чьи буллы нам неизвестны. С 1189 г. до 30-х годов XIII в. новгородский стол занимали 8 князей смоленской (3 князя), черниговской (2 князя) и суздальской (3 князя) ветвей дома Рюриковичей, числу которых соответствует гораздо больше разновидностей известных княжеских тамг на наших памятниках.

С 30-х годов XIII в., как уже отмечалось, новгородский стол занимали только суздальские князья, а значит, приписывая буллы со знаком республиканским тысяцким, мы должны были бы отметить резкое превосходство знаков колоколовидной формы над другими княжескими тамгами, но этого не наблюдается.

Таким образом, изложенные наблюдения не подводят к сколько-нибудь положительному решению вопроса об общей атрибуции известной сфрагистической группы.

Печати и пломбы из новгородских находок, несущие на себе княжеский знак в сочетании с изображением святого, не являлись атрибутом новгородских посадников, не были они и печатями республиканских тысяцких. Надо полагать, что дальнейшие исследования сфрагистического материала, который ежегодно пополня-

⁷² Янин В. Л. Новгородские посадники... с. 110.

⁷³ Янин В. Л. Актовые печати... т. II, с. 97.

⁷⁴ Там же, с. 100, 98; табл. 83, 594 (1, 2).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, с. 99.

ется новыми находками на городище и в самом Новгороде, новые исследования в области княжеских знаков будут наилучшим образом способствовать безупречной атрибуции этих интереснейших памятников новгородской сфрагистики.

Синхронная таблица посадников и князей

Посадники	Князя	Ветвь княжеского рода
Юрий Иванкович (1215—1216 гг.)	1. Ярослав Всеволодович (весна 1215—11 II 1216)	Суздальская
	2. Мстислав Мстиславич (11 II 1216—осень 1218 г.)	Смоленская
Иванко Дмитриевич (1220—1229 гг.)	1. Всеволод Мстиславич (1219—1221 гг.)	Смоленская
	2. Михаил Всеволодович (весна 1225, весна—осень 1229 г.)	
	3. Ростислав Михайлович (осень 1229—8 XII 1230)	Черниговская
	4. Ярослав Всеволодович (весна 1223—весна 1224 г., весна 1226—зима 1228/29 г.)	
	5. Всеволод Юрьевич (1222— зима 1222/23 г.; весна 1224— зима 1224/25 г.)	Суздальская
Дмитр Мирошкинич (1205—1207 гг.)	1. Константин Всеволодович (20 III 1205—1207 г.)	Суздальская
Михалко Степанович (1176—1177, 1180— 1184, 1186—1189, 1204—1205 гг.)	1. Мстислав Ростиславич (1175—осень 1176; зима 1177/78—весна 1178 г.)	
	2. Святослав Всеволодович (30 I 1200—весна 1205 г.)	Суздальская
	3. Владимир Святославович (17 VIII 1180—зима 1180/81 г.)	
	4. Святослав Всеволодович (зима 1180/81—зима 1181/82 г.)	Черниговская
	5. Ярослав Владимирович (зима 1181/82—1184 г., 20 XI 1187—26 XI 1196)	Мстиславичи
	6. Мстислав Давыдович (сен- тябрь 1184—осень 1187 г.)	Смоленская
Твердислав Михалко- вич (1208—1211; до 1215, 1216—1219, 1219—1220 гг.)	1. Святослав Всеволодович (весна 1208—1210 г.)	Суздальская
	2. Мстислав Мстиславич (1210—весна 1215, 11 II 1216—осень 1218 г.)	
	3. Святослав Мстиславич (осень 1218—весна 1219 г.)	Смоленская
	4. Всеволод Мстиславич (весна 1219—1221 г.)	
Мирошка Неженнич (1189—1204 гг.)	1. Ярослав Владимирович (20 XI 1187—26 XI 1196; 30 XII 1197—лето 1199 г.)	Мстиславичи
	2. Ярополк Ярославич (март 1197—сентябрь 1197 г.)	Черниговская
	3. Святослав Всеволодович (1200—1205 гг.)	Суздальская

Посадники	Князья	Ветвь княжеского рода
Судило Иванкович (1141—1144, 1147— 1156 гг.)	1. Ярослав Мстиславич (осень 1148—26 III 1154)	Мстиславичи
	2. Ростислав Мстиславич (1154 г.)	Смоленская
	3. Давыд Ростиславич (1154/55 г.)	
	4. Мстислав Юрьевич (1155—1157 гг.)	Суздальская
Нежата Твердятич (1144—1146, 1160— 1161 гг.)	1. Святополк Мстиславич (18 IV 1142—осень 1148 г.)	Мстиславичи
	2. Мстислав Ростиславич (21 VI 1160—VII 1161)	Суздальская
	3. Святослав Ростиславич (28 IX 1161—1 IX 1167)	Смоленская

В. М. ПАНЕЯХ

ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИКИ ЧАСТНОГО АКТА В ТРУДАХ С. Н. ВАЛКА

Успехи советской исторической науки в области дипломатики несомненны. Однако обзором А. И. Копанева, пожалуй, и ограничивается историографическое подведение итогов развития советскими учеными этой важной вспомогательной исторической дисциплины.¹ В результате вне поля зрения исследователей оказываются отдельные аспекты дипломатического анализа актов, а достижения ряда специалистов в разработке таких забытых или полузабытых проблем недооцениваются.²

Это всецело, по нашему мнению, относится к трудам С. Н. Валка по истории русского частного акта. Мы имеем в виду не отдельные работы, посвященные дипломатическому анализу какой-либо разновидности актов, например полных грамот,³ или единичных актов,⁴ а всю совокупность тех его трудов, в которых излагаются взгляды на задачи и методы дипломатики и

¹ См.: Копанев А. И. Советская дипломатика. — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1968, с. 56—73.

² Поэтому следует поддержать призыв С. О. Шмидта к созданию серьезных трудов по историографии источниковедения (см.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 55).

³ Валк С. И. Грамоты полные. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 113—132.

⁴ См., например: Валк С. И. Псковская данная (XV в.). — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 214—217.